

Káprály Mihály
Hodinka Antal Ruszin Tudományos Intézet
Budapest, Magyarország

Словообразование в карпато- русинских диалектах: образование наименований лиц в говоре села Великие Лазы Ужгородского района

*Карпаторусинские диалекты – говор села Великие Лазы – слово-
образование наименований лиц*

При всем языковом богатстве и территориальном разнообразии словообразование русинских (далее – карпаторусинских) диалектов, на наш взгляд, не получило должного внимания лингвистов. Лучше всего изучена лексика русинских диалектов, которая не единожды была объектом исследований со времен первой попытки в этой сфере в 1827 г. Ивана Фогорашия (Бережанинъ 1905). Как видим, начало для русинской диалектологии было весьма непростым. Написанное в первой трети XIX в. было опубликовано спустя без малого восемьдесят лет. Более успешным для науки о русинских говорах было XX столетие. Достаточно вспомнить о фундаментальных публикациях Георгия Геровского (Gerovskij 1934), Ивана Панькевича (Панькевич 1938) и других работ уже нашего времени (Дзендзелівський 1958, 1960, 1993; Ганудель 1981, 1989, 2001; Николаев, Толстая 2001; Сабадош 2008 и др.). К сожалению, в этой сфере остается немало открытых вопросов, которые касаются русинских диалектов. Например, актуальными по сегодняшний день остаются исследования отдельных особенностей грамматики русинских диа-

лектов. Публикации в этой области Елены Будовской последних лет (Budovskaja 2010) только подтверждают тот факт, что грамматическая структура отдельных диалектов не менее интересна для лингвистов, чем ее лексическая часть. Нам кажется, что и русинское диалектное словообразование таит в себе еще многие аспекты, которые достойны научного исследования. Насколько нам известно, до настоящего времени только две серьезные научные работы были написаны на материале карпаторусинского словообразования. Первая – более полувека назад – кандидатская диссертация сегодняшнего известного киевского украиниста из Закарпатья Василя Нимчука (Нимчук 1962), а вторая – ужгородской молодой исследовательницы – опубликована совсем недавно (Харківська 2015). На наш взгляд, при том богатстве русинских диалектов, которые существуют до нашего времени, это всего лишь незначительная часть потенциальных исследований по диалектному словообразованию.

Следует отметить, что исследователи словообразования традиционно начинают «от формы», т.е. со словообразовательных формантов, с помощью которых образуются дериваты с определенными значениями. Такой подход реализован при подготовке выше упомянутых диссертаций, доминирует он и при описании системы словообразования в вариантах современного русинского литературного языка (Рамач 2002; Ябур, Плішкова, Копорова 2015). И если в пряшевской грамматике русинского языка Анна Плишкова, автор раздела «Деріватологія», опираясь на словацкие языковедческие традиции, представляет этот раздел языкознания на достаточно приемлемом уровне, то описание словообразования в грамматиках для сербских и хорватских русин нуждается в дальнейшей разработке, в частности, на уровне теоретических вопросов (Панько 1997).

Если говорить о дальнейшем описании словообразования в русинском литературном языке, следует, на наш взгляд, опираться на образцы и результаты исследований этого раздела языкознания в «больших» славянских языках, например, на описание русской словообразовательной системы (РГ 1980; Тихонов 1985). Подобное описание всех словообразовательных типов, словообразовательных значений, а еще лучше, словообразовательных категорий русинского литературного языка (как и его диалектов) станет тем

фундаментом, на котором возможно будет развивать современную науку о словообразовании. Причем приоритетным вектором, как нам кажется, следует отдать содержательной сфере словообразовательной системы русинского языка. После того, как будет закончено описание процессов словообразования «от формы» – от значения словообразовательного форманта: суффикса, префикса, конфикса, постфикса и т.д., изучены закономерности их сочетаний с определенным кругом мотивантов, т.е. будет представлен полный перечень словообразовательных типов (значений, категорий), следует приступить к исследованиям «от содержания». Подобным образом удастся не только лучше описать словообразовательную систему в целом, но и выйти на перспективу не только ответить на вопросы «как сделаны дериваты», но и искать ответ на вопрос «как можно образовывать новые слова». Построение «работающих» алгоритмов словообразовательного синтеза новых слов в русинском нормированном языке весьма актуально, ибо, в отличие от «больших» литературных языков, в развитии нуждается самая лексическая система «маленького» славянского литературного языка.

Исходя из вышеизложенного, в нашем материале предпринята попытка системного и полного описания фрагмента словообразования отдельного говора. Объект настоящего исследования — множество производных наименований лиц (НЛ), зафиксированных носителем настоящего говора в речи жителей села Великие Лазы Ужгородского района Закарпатской области (Украина) с 2008 г. до настоящего времени. Следует отметить, что эта группа существительных неоднократно являлась предметом исследования в родственных восточнославянских литературных языках (Моисеев 1968; Мамрак 1979).

Мы согласны с утверждением ученых-славистов, что основной корпус словообразовательных средств в современных славянских языках и диалектах унаследован их носителями еще из праславянской эпохи, как и тем фактом, что «в процессе их исторического развития [носители современных славянских литературных языков и диалектов – *М.К.*] создали широкий диапазон специфических особенностей» (Вендина 1979: 133). Поскольку, производные НЛ достаточно хорошо описаны в славистике на уровне словообразо-

вательных типов, представляется возможным сопоставительное их исследование. Следует, на наш взгляд, согласиться и с тем, что подобное сопоставление «...должно подчиняться одной из двух более общих классификаций – по способам словообразования или по словообразовательным категориям» (Лопатин 1979: 47). Подтверждая еще один известный тезис о том, что типологическое единство славянских языков – общность не статическая, а динамическая, и исследуя словообразование отдельного говора, мы получим в итоге его «диапазон специфических особенностей» на синхронном уровне, т.е. полное описание словообразовательных средств (в настоящем случае суффиксов), с помощью которых образуются дериваты словообразовательной категории НЛ.

Несколько слов о селе Великие Лазы. Оно лежит недалеко от Ужгорода по дороге в Мукачево. Следует отметить, что местный русинский говор непосредственно контактирует с венгерским языковым ареалом. Южная равнинная часть села граничит с землями венгерского села Хомци (венгер. *Korláthhalmec*, укр. *Холмець*). Что касается языковых особенностей говора, отметим, что местная типичная для Ужанщины в целом «у-кающая» речь характеризуется как западными (прежде всего на уровне фонетики, но и лексики, например, лексемы *'kel'o* 'сколько', *'vel'o* 'много', *'vece* 'больше', *ni'c* 'ничего' и т.д., в грамматике: формы первого лица глагола, ср., например: *мам* 'имею', *по'зерам* 'смотрю' и т.д.), так и восточными карпаторусинскими языковыми элементами, ср.: *'маву* 'имею', *по'зераву* 'смотрю' и т.п., многочисленными словами и формами, вытесняющими местные слова и их формы под воздействием украинского литературного языка.

Система гласных не полностью отражена в примерах, которые представлены в настоящем исследовании. В настоящей публикации отметим лишь, что на месте *и* звучит звук ближе к *i*, заметно редуцирован звук *e*, качество которого больше зависит от мягкости последующего согласного звука, а не от удаленности от ударного слога в слове. Интересна судьба давнего *ы*, который начал лабиализоваться, да так, что сегодня на его месте звучит *o*, ср., например: *бок* 'бык', *'бов-им* 'я был' и т.д. Отметим и то, что, по-видимому, смешанный характер говора стал одной из причин того, что он

никогда не был объектом серьезного исследования. Что касается дальнейшего смешения западных и восточных языковых элементов, отметим, как нам кажется, дальнейшую «эстернизацию» речи жителей села (в чем нет ничего удивительного, учитывая постоянную на протяжении послевоенных десятилетий украинизацию общественной жизни села: язык школы, средств массовой коммуникации, государственных учреждений, предприятий и т.д.). Западные языковые элементы хранятся до сих пор разве что в некоторых песнях и сакрализованных текстах рождественских игр, ср., например, фрагмент речи, возможно, наиболее колоритного персонажа рождественской игры Губы: ...*'kíd' nam 'n'ic' n'e 'daçe, 'to nas poġn 'i'vaçe // v'šic'ki 'garč'ki potp'e'ne me, što na 'neču 'maçe* '...если нам ничего не дадите, тогда вы нас рассердите // все горшки побьем, которые у вас на печи'. При этом следует, правда, отметить, что и старые песни, и, тем более, тексты рождественских игр и колядок остались в памяти людей только старшей генерации (сказываются, прежде всего, запреты советских лет участвовать детям в праздновании религиозных праздников). Не удивительно, что использование восточных русинских языковых элементов в речи жителей села после Второй мировой войны только увеличивается, что весьма заметно на всех уровнях языка. Нами предпринята попытка описать словообразовательные особенности местного говора. До настоящего времени нами исследовано образование в речи местных жителей дериватов со значением уменьшительности и увеличительности (Капраль 2016).

Тут представляем производные наименования лиц (в отдельных случаях представлены непроизводные, однако членимые с точки зрения синхронного словообразования языковые единицы), отдельные дериваты с предметным значением, образованные с помощью исследуемых нами суффиксов, некоторые наблюдения над морфонологическими и акцентологическими особенностями словообразования в речи жителей села Великие Лазы. За пределами нашего внимания, таким образом, оказались наименования типа *'apo* 'отец'; *'бахтер* 'ночной сторож'; *'бачий* 'дядя'; *брат*; *вадас* 'охотник'; *'волох*; *'вуйко* 'мамин брат'; *'гаман* (сохранилось в выражении *'би'ti, gi 'гамана* – 'драть, как Сидорову козу'); *гост*'; *'гун-*

цут/зунциш ‘хитрец; сорванец’; *газда* ‘хозяин; муж’; *гровф* ‘граф’; *д’ак* ‘дьяк’; *езер|мештер* ‘мастер на все руки’; *жан|дар* ‘жандарм’; *жи’д*; *кала|гуза* ‘кондуктор’; *моло|ди’й* ‘жених во время свадьбы’; *стри’ко* ‘брат отца’; *хлоп* ‘мужчина; муж’; *чоло|вик* ‘мужчина; муж’; *шваб*; *шустер* ‘сапожник’; *шовгор* ‘муж сестры; брат мужа’ и т.п.

Чтобы лучше представить структуру исследуемых дериватов и изменения на морфонологическом стыке при их образовании, подаем эти дериваты в составе словообразовательной пары: *дериват* ← *мотивирующее*, ср., например: *звіз|дар* ‘несущий рождественскую звезду’ ← *звіз|да* ‘звезда’; *боч|ко’раш* ‘носящий постолы (бедняк)’ ← *боч|кори* ‘постолы’; *не’дуй|давиц*, *не’дуй|дош* ‘пентюх’ ← *не’дуй|дави* ‘неловкий, неуклюжий’ и т.д.

Дериваты с общим значением наименования лица представляем в составе отдельных словообразовательных типов.

-аш (-ош, -л’аш, -арош) (всего дериватов с этим суффиксом – 58)

Наиболее регулярным суффиксом, с помощью которого образованы дериваты с общим значением наименования лица в говоре села является венгерский¹ по происхождению суффикс *-аш* (в безударной позиции *-ош*).

Существительные, образованные с помощью этого суффикса, называют лицо, характеризующееся отношением к предмету, явлению, названному мотивирующим словом. Внутри этой группы производных можно вычленить различные подгруппы, ср., например: 1) названия лиц по характерным свойствам (*б’рихл|’ош* ‘врун’, *гун|’ош* ‘говнюк’, *тембош* ‘брюхан’, *кала|би’н|’ош* ‘длиноногий человек’, *кл’он|цагош* ‘человек с большими передними зубами’, *лупи’н|’д|’а-рош* ‘бездельник’, *мамош* ‘мамин сыночек’, *не’дуй|дош* ‘пентюх’,

¹ По мнению некоторых исследователей, этот суффикс является исконно славянским по происхождению (Закревська 1976: 57). Не вступая в полемику (которая конечно же предполагает исследование языкового материала другого масштаба), отметим лишь, что подобное мнение не подтверждается реалиями исследуемого нами конкретного говора, в котором этот суффикс не только регулярен, но и доминирует при образовании существительных со значением лица.

'си'кл'ош 'сыкун', *си'кош* 'сыкун', *скуп'ин'д'арош* 'скряга', *'цурош* 'оборванец', *'ч'ампош* 'увалень'); 2) названия лиц по действию или сфере деятельности (*'баброш* 'неумеха', *'бавкош* 'игрун', *вар'таш* 'страж', *'ви'ргош* 'тот, кто выгибается, дергается при ходьбе, в танце и т.д.', *'гайош* 'тот, кто баюкает ребенка', *'зи'кош* 'заика', *'зи'цкош* 'сексуальный партнер', *ко'наш* 'копатель', *ко'саш* 'косарь', *'танцош* 'танцор', *ф'ли'н'кош* 'плакса', *'фон'кош* 'плакса', *'хапкош* 'хапала', *'ц'и'ц'ош* 'сосун'); 3) по орудию или объекту действия лица (*'бадогош* 'жестянщик', *буб'наш* 'барабанщик', *'бурговиш* 'контрабасист', *кор'ман'ош* 'рулевой', *мар'ди'кош* 'продавец остатков (ткани)', *мн'а'сарош* 'мясник'); 4) по предмету, явлению, к которому лицо имеет отношение (*бобо'наш* 'забобонный человек', *боч'ко'раш* 'носящий постолы (бедняк)', *'гат'ош* 'носящий кальсоны', *'дундош* 'сосущий соску, сосунок', *'кинош* 'киномеханик', *'ронд'ош* 'ветошник', *ф'ий'ов'каш* 'ветошник'); 5) по месту нахождения лица, его деятельности (*бранкош* 'вратарь', *вошко'лаш* 'школьник', *'гурош* 'житель гор', *кор'ч'марош* 'корчмарь', *пати'карош* 'аптекарь') и т.д.

Дериваты с общим значением лица реализуются практически с одинаковой регулярностью как в парадигмах глаголов, так и имен существительных, реже – в составе словообразовательных парадигм имен прилагательных. Представляем зафиксированные нами дериваты с настоящим суффиксом в алфавитном порядке и с указанием его мотивирующего (с позиции современного состояния говора).

Отглагольные НЛ, ср.: *арен'даш* ← *арендо'вати* (ср. венгер. *árendás*); *'баброш* 'неумеха' ← *'бабрати*; *'бавкош* 'игрун' ← *'бави'ти са* 'играться'; *бри'хл'ош* 'врун' ← *бре'хати* 'врать' (ср. жен. *бри'хл'а*); *буб'наш* 'барабанщик' ← *бубно'вати*, *'бубен*; *'буркош* 'ворчун' ← *'буркати* 'ворчать', *буркот'ли'вий* 'ворчливый'; *вар'таш* 'сторож' ← *варто'вати* 'сторожить'; *'ви'ргош* 'тот, кто выгибается, дергается при ходьбе, в танце и т.д.' ← *'ви'ргати* 'дергать', *'ви'ргати са* 'дергаться'; *'гайош* 'тот, кто убаюкивает ребенка' ← *'гайати* 'укачивать ребенка: „га-а-а!“'; *'зи'кош* 'заика' ← *'зи'кати*, *за'гаковати са* 'заикаться'; *'зи'цкош* 'сексуальный партнер' ← *'зи'цкати*, *'зи'цкати са* 'совокупляться'; *'дудрош* 'ворчун' ← *'дудрати* 'ворчать'; *'ковдош* 'нищий калека' ← *ковдо'вати* 'нищенствовать'; *ко'наш* 'копатель' ← *ко'пати*; *кор'ман'ош* 'тот, кто ведет, управляет чем-л., рулевой'

← *корман* ‘руль’, *корман’овати* ‘рулить’; *ко’саиш* ← *косу’ти*, *коса*; *костоиш* ‘едок’ ← *костовати*, *костовати са* ‘кормить’, ‘кормиться’; *н’авкоиш* ‘мямля’ ← *н’авкати* ‘мямлить’; *на’рад’ош* ‘франт’ ← *пара’ди’ти са* ‘нарядно одеваться’; *при’стаиш* ‘тот, кто приходит в новую семью (обычно о зяте)’ ← *при’ста’вати*, *при’стати*; *си’коиш* ‘малолетка, сыкун’ ← *си’кати* ‘срать’; *танцоиш* ‘танцор’ ← *танц’овати*; *фли’н’коиш* ‘плакса’ ← *фли’н’кати* ‘плакать’; *фон’коиш* ‘плакса’ ← *фон’кати* ‘плакать’; *фур’ман’ош* ‘возница’ ← *фурман’овати* ‘управлять телегой’; *хан’коиш* ‘стяжатель’ ← *ха’пати*; *ц’иц’ош* ‘сосунок’ ← *ц’иц’ати* ‘сосать’.

Отсубстантивные НЛ, ср.: *багов’лаш* ‘любитель жевательного табака’ ← *багов* ‘табак’; *бадогоиш* ‘жестянщик’ ← *бадог* ‘жесть’; *бобонаш* ‘суеверный человек’ ← *бобони* ‘суеверия’; *боч’ко’раиш* ‘тот, кто носит постолы’ ← *боч’кори* ‘постолы’; *бран’коиш* ‘вратарь’ ← *брана* ‘ворота’; *бур’говиш* ‘контрабасист’ ← *бур’гови* ‘контрабас’; *вош’колаш* ‘школьник’ ← *вош’кола* ‘школа’; *гун’ош* ‘говнюк’ ← *гу’но*; *гун’агоиш* ‘говнюк’ ← *гу’но*; *гур’ош* ‘горец’ ← *гори’*; *гат’ош* ‘тот, кто носит гати – полотняные штаны’ ← *гати’*; *дундоиш* ‘сосущий соску’ ← *дунда* ‘соска’; *кала’би’н’ош* ‘длиноногий человек’ ← *кала’бини* ‘прибор в виде угольника для измерения земельных участков’; *ки’лоиш* ‘человек с паховой грыжей’ ← *ки’ли*; *ки’ноиш* ‘киномеханик’ ← *ки’но*; *кл’он’цагоиш* ‘человек с длинными передними зубами’ ← *кл’он’цати* ‘передние зубы’; *кор’ч’марош* ‘корчмарь’ ← *кор’ч’ма*; *мамоиш* ‘мамин сыночек’ ← *мама*; *мара’ди’йкош/мара’ди’кош* ‘торговец остатками полотна’ ← *мара’ди’ки* ‘остатки (полотна)’; *мн’а’сарош* ‘мясник’ ← *мн’асо*; *пати’карош* ‘аптекарь’ ← *пати’ка* ‘аптека’ (ср. устар. венгер. с тем же значением *patikáros*); *пи’н’з’й’иаш* ‘пенсионер’ ← *пи’н’з’й’иа*; *фй’ов’каш* ‘ветошник’ ← *фй’ов’ки* ‘ящики (в которых ветошник хранил свои товары)’.

Отадъективные НЛ, ср.: *тем’боиш* ‘брюхач’ ← *тем’батий* ‘брюхатый’, *тем’бо*, *ти’м’бух* ‘брюхо’; *не’дуйдоиш* ‘неумеха’ ← *не’дуйдавий* ‘неумелый’; *си’кл’ош* ‘ссыкун’ ← *си’кли’вий* ‘мочащийся под себя’; *скуп’ин’д’арош* ‘скряга’ ← *скуп’ий*; *с’молош* ‘сопляк’ ← *с’молавий* ‘сопливый’, *с’мол’и* ‘сопли’; *цун’дрош* ‘голодранец’ ← *цун’дравий* ‘рваный’, *цун’др’а*, ‘рваная одежда’; *цурош* ‘голодранец’ ← *цуравий* ‘рваный’, *цур’а* ‘рваная одежда’; *ч’ам’пош* ‘увалень’ ← *ч’ам’павий* ‘неуклюжий’.

Следует отметить, что зачастую собранные нами дериваты характеризуются двойственной мотивацией. Например, *бубнаш* ‘барабанщик’, это и ‘тот, кто *бубнуе* – барабанит’ (отглагольный дериват), и ‘тот, кто бьет в *бубен* – барабан’ (отсубстантивный дериват); *корман’ош* и ‘тот, кто *корман’уйе* – ведет, управляет чем-л.’ (отглагольный дериват), и ‘тот, кто держит в руках *корман*’ – руль’ (отсубстантивный дериват); *ко’саиш* и ‘тот, кто косит’ (отглагольный дериват), и ‘тот, кто использует при косье *косу*’ (отсубстантивный дериват); *тембош* и *тем’батий* – ‘брюхатый человек’ (огадъективный дериват), и ‘человек с большим *тембом* – брюхом’ (отсубстантивный дериват); дериваты *цундрош* и *цурош* также мотивируются как прилагательными (*цундравий* и *цуравий*), так и существительными (*цундр’а* и *цур’а*).

О продуктивности настоящего суффикса в говоре последних десятилетий свидетельствуют местные прозвища, ср.: *Бич’кош* ← *би’ч’ак* ‘сохранившееся в соседних диалектах название самодельного раскладного ножа’; *Гайош* ← *гайати* ‘убаюкивать’; *Кл’ипкош* ← *кл’ипкати* ‘часто моргать’; *Лупкош* ← *лупкати* ‘сильно ударять’; *Пи’йавкош* ← *пи’йавка*; *Ти’дипкош* ← *ти’дипкати* ‘сигнализировать или имитировать голосом звук автомобильного сигнала’; *Ц’иц’ош* ← *ц’иц’ати* ‘сосать’. С помощью изучаемого суффикса образовано и название соседнего села *Бер’винкош* (позже *Бар’винкош*), сегодня официальное укр. *Барвінок*.

Изначально, надо полагать, в местном говоре появились венгерские заимствования с этим языковым элементом, ср. например: *алдо’маш* ‘угощение’, венгер. *áldomás* с тем же значением; *буй’таш* ‘пересаженный способом катавлак виноградный куст’, венгер. *bujtás* т.ж.; *вагаш* ‘тропа диких животных’, венгер. *vágás* ‘лесо-сека’; *гентеш* ‘резник’, венгер. *hentes* т.ж.; *гара’наш*: *на гара’наш* ‘немного, кусочек’, венгер. *harapas* т.ж.; *ло’кн’ош* ‘юбка (позже и брюки) клеш’, венгер. *loknis* т.ж. и т.д. Среди этих заимствований немало было и наименований лиц, ср. *п’имаш* ‘первая скрипка’, венгер. *prímás* (венгерский характер проявляется и в том, что это единственный случай в местном говоре, когда в безударном положении представлено *-аш*, а не *-ош*); *конт’раш* ‘вторая скрипка’, венгер. *kontrás*; *кон’даш* ‘свинопас’, венгер. *kondás* и т.д. Некоторые

из подобных языковых единиц со временем становятся полноценными элементами говора, выступают в качестве мотивирующих при образовании новых слов, ср., например, дериваты со значением типичного действия *буй'таши'ти* 'пересаживать виноградный куст способом катавлак', *гентешо'вати* 'выполнять работу резника' и т.п. Таким образом из разряда членимых (в составе которых возможно выделение суффикса *-аи*) переходят в разряд производных, как это произошло с дериватом *'ковдуи* 'нищий; побирушка', которое с появлением глагола *ковдо'вати* 'нищенствовать', воспринимается носителями языка в качестве мотивирующего по отношению к *'ковдуи*, которое к тому же единственное среди собранного нами языкового материала сохраняет не характерную для местного говора гласную *у* в составе суффикса, ср. венгер. *koldus* т.ж. Языковое сознание местных билингвов способствовало появлению различного рода русинско-венгерских языковых контаминаций. Можно предположить, что первоначально в венгерских диалектах было переосмыслено латинское по происхождению книжное *nótarius*, которое в местном говоре превратилось в *нов'тарош*. Рядовые носители венгерских диалектов «не узнают» в составе заимствований чужих языковых элементов, воспринимают их в цельной, нечленимой форме, ср., например: *mészáros* 'мясник' (ср. словац. *mäsjar* т.ж.), в котором «не замечен» общеиндоевропейский по происхождению суффикс лица *-ár*, который продублирован в слове «своим» *-os* с подобным значением. Нечто подобное произошло и с НЛ *kocsmáros* 'корчмарь' и *patikáros* 'аптекарь', которые параллельно функционируют и в нашем говоре, ср.: *кор'ч'марош*, *пати'карош*.

О тесном сосуществовании венгерских и местных русинских языковых элементов свидетельствуют и другие языковые факты. Нами фиксируется, например, дериват *'рон'д'ош* 'ветошник', при том, что венгерскому *rongy* 'тряпка' в говоре соответствует местная форма *'р'анда*, а значит, «правильно» следовало бы говорить **'р'ан'д'ош*,² ср. *рядняш* в словаре Игоря Керчи (Керча 2007). Безусловно, исследуемый нами языковой элемент представлен в НЛ *лупи'н'д'арош* 'бездельник', однако из-за неясного происхождения

2 Знаком * отмечено нами условное образование.

деривата (нами не выявлено конкретной мотивирующей базы), не представляется возможным корректно выделить в настоящем слове алломорф суффикса *-аш*. Алломорф *-овш*, представленный в слове *бур'овш* 'контрабасист' ← *бур'ови* 'контрабас', возник, очевидно, под влиянием венгерской формы *bővgőb* со значениями 'контрабас', 'контрабасист'. На месте венгерского долгого *ő* и других долгих гласных в местном наименовании лица появляется эпентический звук *в*, что типично для местного говора, ср., например: венгер. *gyeplő* 'возжи' – русин. *д'ин|леви* т.ж.; венгер. *hordó* 'бочка' – русин. *гор'дув* т.ж. и т.д.

В составе НЛ *анц'їаш* 'антихрист', ср. вост.-словац. *anciaš* с этим же значением, тяжело определить морфемные границы и характер морфонологических изменений на стыке морфов, однако нет никаких трудностей, на наш взгляд, с выделением в нем исследуемого нами суффикса. Так или иначе, суффикс *-аш* (*-ош*, *-л'аш*, *-арош*) занял прочное место в системе языковых элементов носителей местного говора. Об этом свидетельствует и новообразование *ш'вікош*³ 'некачественное вино', ср. *ш'вікати* 'стегать, резко ударять, бить', микротопоним *Ч'іс'таш* 'чистое, не заросшее место в лесу', *с'їнаш* 'сеновал' и т.п. Об органичном сосуществовании столь разных по своей природе венгерских и славянских языковых элементов в местном говоре свидетельствует и образование слова *б'окрошка* 'ручная пила длинее обычного с «кустистыми» зубьями», ср. венгер. *bokor* 'куст', *bokros* 'кустистый, заросший кустами'. Интересно, что у этого наименования есть и местная семантическая калька *корч'ован'а*, слово, образовано с помощью только «своих» языковых средств, ср.: *кор'ч* 'куст', и суффикс *-ован'(а)*. Об этом также свидетельствуют и собранные нами многочисленные дериваты со значением лица, образованные с помощью суффикса *-ош* (*-аш*).

При достаточно значительном количестве дериватов с суффиксом *-аш*, следует отметить относительно незначительные изменения на морфонологическом шве при их образовании. Нами

---

3 Дериват, на наш взгляд, образован только во второй половине XX в., когда изготовление и потребление домашнего виноградного вина получило в селе массовый характер.

фиксируются чередования согласных по твердости/мягкости, ср.: |д'—д| *па'рад'ош* 'франт' ← *пара'ди'ти са* 'нарядно одеваться'; |ц—ц'| *тан'цош* 'танцор' ← *танц'о'вати* 'танцевать'; |н'—н| *гун'ош* 'говнюк' ← *гу'но*; *гун'агош* 'говнюк' ← *гу'но*; чередование гласных основы |у—о| *гу'рош* 'горец' ← *'гори'*; также гласных основы |е—і| с появлением эпентического л' в составе словообразовательной пары *б'ріхл'ош* 'врун' ← *бре'хати* 'врать'; последнее явление присутствует и в паре *багов'лаш* 'любитель жевательного табака' ← *'багов'табак'*.

-арь (-карь, -нарь) (33)

С помощью этого суффикса в местном говоре образуются дериваты в составе двух словообразовательных типов.

Отсубстантивные НЛ, характеризующиеся отношением к предмету, явлению, названному мотивирующим словом. Внутри этой группы производных значительную и весьма важную для сельских жителей часть составляют НЛ, называющих лиц, ухаживающих за домашними животными, названия которых выступают в качестве мотивирующей основы, ср.: *вол'ар'* 'владелец/пастух волов' ← *'воли* 'волы'; *вув'ч'ар'* 'пастух овец' ← *'вуви'и* 'овцы'; *гус'сар'* 'пастух гусей' ← *'гусі'*; *ко'н'ар'* 'владелец/пастух коней' ← *'кон'і'*; *ко'зар'* 'пастух коз' ← *'козі'*; *пч'ол'ар'* 'пасечник' ← *'пч'олі'*. Эта подгруппа входит в состав более широкой НЛ по объекту или продукту их деятельности и в нее входят также следующие дериваты: *буб'нар'* 'барабанщик, сельский глашатай' ← *'бубен'*; *гро'бар'* 'могильщик' ← *груб* (мн. ч. *гро'бі*) 'гроб'; *коми'нар'* 'трубочист' ← *'коми'н* 'дымоход'; *нови'нар'* 'журналист' ← *нови'на*; *но'ви'нка* 'новость; газета'; НЛ по орудию действия (*дру'тар'* 'специалист по укреплению проволокой глиняной посуды' ← *друт* 'проволока'; *звіз'дар'* 'участник рождественского представления, несущий звезду' ← *звіз'да*; *кар'т'ар'* 'картежник' ← *'карті'*; *ко'сар'* ← *'коса*; *гус'л'ар'* 'скрипач' ← *'гус'л'і* 'скрипка'; *пі'тар'* 'участник, стерегущий *'піту* в одноименной игре, которая немного напоминает игру в городки' ← *'піта* 'заостренный с одной стороны деревянный цилиндр'); НЛ по месту деятельности, нахождения (*бран'кар'* 'вратарь' ← *брана*; *вор'тар'* 'вратарь' ← *вор'ота*; *вошк'ол'ар'* 'школьник' ←

вош'кола; кор'ч'мар' ← 'кор'ч'ма; пати'кар' 'аптекарь' ← па'ти'ка; пош'тар' 'почтальон' ← 'пошта; скле'нар' 'продавец в магазине' ← склеп 'магазин'; школ'ар' 'школьник' ← школа).

Словообразовательный тип отглагольных НЛ, производящих действие, названное мотивирующим словом, составляют следующие дериваты: *бу'т'кар' 'драчун' ← 'бу'ти са, (ср. 'бу'тка); буб'нар' 'барабанщик, сельский глашатай' ← бубно'вати; зво'нар' 'звонарь' ← зво'ни'ти; ко'сар' ← ко'си'ти; миш'кар' 'тот, кто кастрирует животных' ← мишко'вати 'кастрировать'; мах'л'ар' 'мошенник' ← мах'л'о'вати; плет'кар' 'сплетник' ← плетко'вати 'сплетничать'; фи'л'ар' 'шутник' ← фи'л'о'вати 'шутить'; ч'оп'нар' 'открывающий бутылки (человек, ведающий спиртными напитками на свадьбе и т.п.)' ← ч'опо'вати 'открывать бутылку, бочку'; швин'л'ар' 'шулер' (ср. венгер. *svindler* т.ж.) ← швин'л'о'вати 'мошенничать'; шэф'тар' 'торговый спекулянт' ← шэфто'вати 'спекулировать'. Некоторые из них, ср.: *бу'т'кар', буб'нар', ко'сар', фи'л'ар'* обладают двойственной мотивацией, и могут, на наш взгляд, входить и в состав отсубстантивного словообразовательного типа.*

Для отражения всех особенностей языковой картины мира местного говора на словообразовательном уровне следует, на наш взгляд, представить здесь и непроечные с позиций синхронии НЛ, ср.: *бой'тар' 'помощник пастуха' (ср. венгер. *bojtár* т.ж.); 'бод'нар' 'бондарь', ср. венгер. *bodnár* т.ж. (единственный дериват с ударением не на суффиксе, а на основе); ви'ни'лар' 'винодел' (ср. венгер. *vincellér* т.ж.) и дериваты не со значением НЛ, ср.: *нин'д'ар' 'пескарь'; 'будар' 'отхожее место'; ко'зар' 'подберезовик' (массивная шапка на тонкой ножке гриба позволяет предположить, что слово, или целиком заимствовано из венгерского языка, ср. *kazár* 'хазарин', или же возникло на местном славянском материале, ср. др.-рус. *козаре*)⁴; гу'сар' 'гусь'; бл'од'дар' 'духовка' (ср. венг. диал. *blöüder*).**

4 Отметим также, что этим словом местные русины вслед за венграми называли также ортодоксальных евреев, в гардеробе которых также наличествовала большая меховая шапка, что также могло способствовать возникновению вторичного значения у этнонима *ко'зар' 'хазарин; еврей' — «подберезовик, темного окраса гриб с тоненькой ножкой и большой мясистой шляпкой»*. Интересно, что в словацком и чешском языке этот

Отметим следующие морфонологические особенности дериватов с суффиксом НЛ *-арь*. Беглая гласная основы мотивирующего *бубен* не сохраняется, ср.: *бубнар'*. В двух образованиях появляются эпентические согласные: *к* (*бранкар'* 'вратарь' ← *брана*) и *н* (*ч'опнар'* ← *ч'оповати*). Чередуются |л'—л| *вошкoл'ар'* ← *вош'кола*, *школ'ар'* ← *вош'кола*; *пч'ол'ар'* ← *п'ч'оли*; |т'—т| *кар'т'ар'* ← *карти*; согласные основы |ц'—ч'| *вув'ч'ар'* ← *вувц'и*; Ударение во всех, зафиксированных нами дериватах, на суффиксе, независимо от места ударения в мотивирующем слове. Следует отметить постепенное вытеснение деривата с неполногласным корнем *бранкар'* (появившегося под влиянием чешского/словацкого языка) полногласным *воротар'*, что произошло, по-видимому, уже под влиянием другого официального языка – украинского во второй половине XX в. При этом дериват сохранил мягкую финаль суффикса, характерную для общеевропейского по происхождению суффикса *-ar* в местном говоре. В этой связи отметим, что в парадигме непроизводного НЛ *бет'ар* 'удалец' (ср. венгер. *betvár* 'разбойник') наряду с образованием *бет'арити* 'ухарствовать' фиксируется нами также дериват *бет'ар'овати* с этим же значением, что, возможно, свидетельствует об уподоблении языковых элементов в языковой практике носителей говора, т.е. в данном случае к смягчению конечного *р* в глаголе, образованном от НЛ.

-ак/-'ак (21)

Дериваты, образованные с помощью этого суффикса, входят в состав трех словообразовательных типов.

Отглагольные образования называют лицо, характеризующееся действием, названным мотивирующим словом, ср.: *во'йак* 'солдат' ← *войо'вати*; *зудак* 'музыкант' ← *зут'и* (*зуду*, *зудут'*); *жеб'рак* 'нищий' ← *жебрати* 'попрошайничать'; *замер'з'л'ак* 'боящийся холода' ← *замерзати*; *здох'л'ак* 'дохляк' ← *зди'хати*, *здохнути* (в двух последних случаях алломорф *-л'ак*); *приш'л'ак* 'пришлый' ←

гриб называют *kozák*, в сербском языке его народное название турчин, что также, как видим, связано с воинственными и страшными в представлении жителей Центральной Европы жителями Востока.

при'їті (алломорф *—шл'ак*); *ч'и'не'рак* 'раскоряка' ← *ч'и'не'раті* 'идти, широко расставив ноги'.

В словообразовательных парадигмах имен прилагательных представлены дериваты со значением «лицо, характеризующееся признаком, названным мотивирующим словом», ср.: *брат'н'ак* 'двоюродный брат' ← *брат'н'ій*; *буцмак* 'ребенок с пухлыми щеками' ← *буцматій* 'пухлый'; *во'н'ак* 'вонючий человек; лежебока' ← *во'н'іті*, *во'н'ач'ій*; *глу'нак* ← *глу'ній*; *двой'н'ак* 'двойняшка' ← *двой'ній*; *добр'ак* ← *добрій*; *рус'нак* 'русин' ← *рус'кій?* (алломорф *-н'ак*); *с'л'і'нак* 'слепец' ← *с'л'і'ній*; *слутак* 'пентюх' ← *слутій* 'неспособный нормально двигать конечностью; неуклюжий'. В единичном образовании *смелен'дак* 'сопляк' ← *с'молавій* 'сопливый' выделяется алломорф *-ендак*.

Существительные с суффиксом *-ак* называют лицо, характеризующееся отношением к предмету, явлению, названному мотивирующим словом, ср.: *гур'л'ак* (*'гурош*) 'горец' ← *'гори* (чередование гласных корня [y—o]; алломорф *—л'ак*); *йеде'нак* 'единственный сын' ← *йе'ден*; *небо'рак* 'бедняга', ср. *не'боре* (звательная форма); *д'ит'вак* 'ребенок' ← *д'іті* 'дети' (алломорф *-вак*).

В качестве фоновых сведений, иллюстрирующих функционирование настоящего суффикса в исследуемом говоре, здесь следует представить следующие образования, ср.: *л'іш'нак* 'лесной орех' ← *л'іс*, *л'іс'ній*; у двух дериватов с неясной до конца словообразовательной структурой (если исходить из материалов говора), называющих животных, ср.: *бум'бак* 'жук' и *бу'йак* 'не холощенный бык' наличествуют вторичные значения НЛ: 'медлительный молчун' и 'здоровенный мужик' соответственно. Суффиксы НЛ достаточно часто несут также значение «нелица», у деривата *с'л'і'нак* 'слепец' в исследуемом говоре еще два значения: 'чирей без головки' и 'саламандра'.

На относительную продуктивность суффикса указывает, на наш взгляд, дериват *бур'ч'ак* 'молодое вино' ← *бур'ч'аті* 'ворчать', поскольку изготовление домашнего вина среди рядовых жителей села получило особое развитие уже только в послевоенные десятилетия, а значит, дериват образован относительно недавно.

С помощью этого суффикса образованы и следующие дериваты, зачастую, непроизводные с позиций современного состояния говора, ср.: пул'ак 'индюк', ср. пул'ка 'индейка'; трус'ак 'кролик', ср. т'рус'ка 'крольчиха'; гай'ч'ак 'загонщик'; б'бак 'чирей', ср. дет. б'бати 'болеть'; ган'ч'ак 'приспособление для погрузки бревен'.

-нік (-анік, -енік, -илнік, -ік) (20)

Существительные с суффиксом *-нік* имеют то же общее значение, что и в предыдущем типе. Мотивирующие – глаголы немотивированные и префиксальные обоих видов, ср.: *вандрув'нік* 'путешественник' ← *вандро'вати* 'путешествовать'; *воро'жи'л'нік* 'колдун' ← *воро'жи'ті* 'колдовать'; *вч'енік* (*уч'енік*) ← *вч'и'ті са*; *гн'ів'нік* 'обиженный; обижающийся' ← *гн'ів'ати са* 'сердиться'; *го'дованік* 'питомец' ← *годо'вати* 'кормить'; *кол'ад'нік* 'колядующий' ← *кол'адо'вати*; *мур'нік* 'каменщик' ← *муро'вати*; *пок'рес'нік* 'крестник' ← *покрес'ті'ті*; *ро'бут'нік* 'работник' ← *ро'би'ті* (ср. *ро'бут'ній* 'работающий'). Среди немногочисленных дериватов настоящего словообразовательного типа присутствует и название предмета, ср.: *гоб'лік* 'рубанок' ← *гобл'о'вати* 'строгать', в котором представлен алломорф *-ік*. Ударение встречается как на основе слова (*го'дованік*, *мур'нік*, *пок'рес'нік*, *ро'бут'нік*), так и на суффиксе (*вандрув'нік*, *вч'енік*, *гн'ів'нік*, *кол'ад'нік*).

Отсубстантивные существительные НЛ имеют общее значение «лицо, имеющее отношение к предмету, явлению, названному мотивирующим словом» и представлены следующими дериватами: *гай'нік* 'лесник, сторож' ← *гай?* (не известно носителям говора в настоящее время, ср. словац. *háj*; укр. *гай* 'роща'); *кал'гоз'нік* 'колхозник' ← *кал'гоз*; *коло'маз'нік* 'чумазый, вымазанный дегтем, машинным маслом' ← *коло'мас'т* 'деготь' (чередование [с'—з] с усечением финали мотивирующей основы); непроизводный, но членимый дериват *ч'и'ел'ад'нік* 'человек', ср. производное со значением собирательности *ч'и'ел'ад'* 'люди' с этим же корнем. Сюда же, по-видимому, следует причислить непроизводный, но все же членимый для полилингвального сознания носителя местного говора, дериват *са'пож'нік*, ср. рус. *сапожник*, НЛ, которым местная кинопублика вслед за общесоветской награждала нерадивого киномеханика.

С помощью настоящего суффикса образованы в говоре и дериваты, называющие растения: *батуж¹ник* ‘цикорий’ ← *ба¹туз* ‘кнут’ (это наименование известно в большинстве подкарпатских говоров и представлено в литературных вариантах русинского языка (Керча 2007; Ябур, Плішкова, Копорова 2007; Капраль 2017), однако носители говора в настоящее время используют другое слово с этим значением – *ки^рбач*’); *бобув¹ник* ‘бобовник’ ← *буб* (не зафиксировано нами, однако, это мотивирующее хорошо известно в других говорах и, как и *ба¹туз*, представлено в словарях литературного языка); *с¹оніч¹нік* ‘подсолнух’ ← *сонце*; название птички: *дри¹вутнік* ‘крапивник’ с неясным происхождением, ср.: *дри¹ва* ‘дрова’, *дри¹вутн¹а* ‘место, где рубают дрова’; другие предметы трудовой деятельности и быта местных жителей в недалеком прошлом: *гамув¹нік* ‘тормозное устройство в виде цепи на телеге’ ← *гамув* ‘тормоз’; *гач¹нік* ‘веревка, которой подвязывали штаны’, образовано от *гач¹і*, очевидно, еще одно свидетельство смешанного характера говора, ибо для названия полотняных штанов (позже также кальсон и трусов) местные жители используют сегодня другой вариант – *гам¹і*, ср. восточн.-словац. с тем же значением *гаце* (Halaga 2002).

Отдельный словообразовательный тип в говоре составляют образования от имен прилагательных с помощью суффикса *-ік*: *ви¹шнік* ‘валет (карт.)’ ← *ви¹шний* ‘верхний’; *даремнік* ‘любитель дармовщины’ ← *даремній* ‘дармовой’; *довжнік* ‘должник’ ← *довжній*, *довжжен* ‘с долгом (долгами)’; *злуснік* ‘злой человек’ ← *злусній* ‘злой’; *нехарнік* ‘неряха’ ← *нехарній* ‘неряшливый’; *ни¹жнік* ‘дама (карт.)’ ← *ни¹жній* ‘нижний’; *подсобнік/пудсобнік* ‘подсобник’ ← *подсобній* (это слово произносится и как *пу(о)тсобнік*, и как *пу(о)ц:обнік*, ср. также рус. *подсобный, подсобник*).

Отметим также дериват с неясным происхождением, ср.: *крелік* ‘семинарист’; дериваты со значением «нелица», ср.: *гнойнік* ‘гнойник’ ← *гнойній* ‘гнойный’; членимый дериват с неясным происхождением и, очевидно, с алломорфом *-овік*: *бор¹ш¹ч¹овік* ‘борщевик’; подобное образование *шерблік* ‘ночной горшок’; другое наименование с этим же значением *білік*, которое, по мнению носителей говора, появилось позже, очевидно, в результате переосмысления структуры венгерского *bili* с тем же значением.

Как и в случае с другими суффиксами в составе заимствованных под влиянием других языков (ср. *воро́тар* 'на месте заимствованного из украинского языка воротар), отметим фонетическую адаптацию суффикса *-нік* в составе советизмов *пуд'собнік* (здесь также происходит замещение гласной основы) и *са'пожнік* (ср. рус. *подсобник, сапожник*).

-ач' (12)

Всего 12 НЛ, образованных с помощью этого суффикса, входят в состав трех словообразовательных типов.

Существительные с суффиксом *-ач'* называют лицо, производящее действие, названное мотивирующим словом: *бре'хач'* 'врун' ← *бре'хати* 'врать'; *вйа'зач'* 'вязатель' ← *вйа'зати* (с'ноні); *збе'рач'* 'собираатель' ← *збе'рати*; *ко'пач'* 'копальщик' ← *ко'пати*; *пудбре'хач'* 'подхалим' ← *пудбріховати* 'врать, подхалимничая'; *філ'ів'кач'* 'ветошник' ← *філ'івкати* 'свистеть (свистом завлекать потенциальных покупателей)'; дериваты с «неличным» значением представлены в дериватах *кле'пач'* 'молоток' ← *кле'пати*, и непроизводное в настоящее время *ко'пач'* 'палка', которое этимологически также образовано от глагола (*ко'пати*).

Второй тип с этим суффиксом составляют НЛ, характеризующиеся отношением к предмету, явлению, названному мотивирующим словом. Отдельную семантическую группу здесь составляют НЛ по характерному телесному признаку: *баву'сач'* 'усач' ← *бавуса*; *боро'дач'* ← *борода*; *тором'бач'* 'человек с большими губами' ← *то'ромбі* 'губы'; и одно НЛ по роду деятельности, ср.: *фійов'кач'* 'ветошник-коробейник' ← *фійовка*, *фійовкі* (выдвижные ящики, в которых хранились мелкие товары, которыми расплачивался за собранную ветошь мелкий предприниматель).

Третий тип составляют НЛ, характеризующиеся признаком, названным мотивирующим словом. Оба деривата называют лицо по социальному признаку, ср.: *бо'гач'* ← *бо'гатій*; *же'нач'* 'женатый мужчина' ← *же'натій*. В обоих случаях отсутствует финаль *ат* основы мотивирующих прилагательных.

Суффикс представлен и в образовании *пону'кач'* 'удод' ← *пукати*, *по'пуковати* 'издавать резкие звуки' и новое ироничное 'малый

трактор[?]; этимологически присутствует он и в слове *ко^лач[?]* ‘белый хлеб’.

Во всех дериватах ударение на суффиксе.

-іц’ (фонематически -ец’) (9)

Большую часть дериватов-НЛ, образованных с помощью этого суффикса, составляют образования, называющие лицо, характеризующееся признаком, названным мотивирующим словом, ср.: *бли^зніц[?]* ‘близнец’ ← *бли^з’кій*; *ми^р’ліц[?]* ‘мертвец’ ← *мерт^ввій*; *не^дуїдавіц[?]* ‘пентюх’ ← *не^дуїдавії* ‘неспособный’; *н[’]у^павіц[?]* ‘нюня’ ← *н[’]у^павії* ‘никакой’; *с^молавіц[?]* ‘сопляк’ ← *с^молавії* ‘сопливый’. Этимологически этот суффикс представлен и в слове *н[’]іміц[?]* ‘немец’.

Два деривата составляют словообразовательный тип отглагольных образований, называющих лицо, характеризующееся действием, названным мотивирующим словом, ср.: *го^дованіц[?]* ‘питомец’ ← *го^до^вати* ‘кормить’; *ку^піц[?]* ‘покупатель’ ← *ку^по^вати*.

Еще два деривата со значением лица, характеризующегося отношением к тому, что названо мотивирующим словом, ср.: *ви^р’ховініц[?]* ‘горец’ ← *ви^р’ховіна* ‘горная часть’; *ко^поліц[?]* ‘внебрачный ребенок’ ← *ко^пол* т.ж., ср. также дериват со значением незрелости *ко^пол’а*. Этимологически этот суффикс представлен и в слове *о^тіц[?]* (*втіц[?]*) ‘отец’. Суффикс присутствует также в некоторых словах со значением «нелица» (часто с неясной этимологией), ср.: *шті^глініц[?]* ‘крапивник (птичка)’, ‘ловкий, проворный человек невысокого роста’, ср. венгер. *stiglinc* ‘шеголь’; *бур^гованіц[?]* ‘булыжник’ ← *бур^го^вати* ‘мостить камнем’, *бур^гованії* ‘мощенный камнем’; *гала^мбіц[?]* ‘блюдо’ ← ?; *гем^біц[?]* ‘желудок; большой живот’ ← *гембо* т.ж.

-ішт(а) (8)

Функционирование этого общеизвестного в европейских языках греко-латинского по происхождению суффикса еще одно яркое свидетельство значительного венгерского влияния на местный говор, ср.: *біці^гліш^та* ‘велосипедист’ ← *біці^гл’а* ‘велосипед’, ср. венгер. *biciklista* т.ж.; *ка^те^біш^та* ← *КТБ*; *ка^лві^ніш^та* ← *Калвін*, ср. венгер. *kálvinista* т.ж.; *кому^ніш^та*, ср. венгер. *kommunista* т.ж.; *маши^ніш^та*,

ср. венгер. *masinista* т.ж.; *mil'iciuuta* ← *mil'iciya*, ср. венгер. *milicista* т.ж.; *тракто'piuuta* ← *трактор*, ср. венгер. *traktorista* т.ж.; *фодба'liuuta* ← *фодбал*, ср. венгер. *futballista* т.ж.; сюда же непроизводные дериваты *сал'viuuta* ‘сектант’; *бап'tiuuta* ‘баптист’, ср. венгер. *baptista* т.ж. Все дериваты, как видим, получили «венгерскую» форму суффикса, что и неудивительно, поскольку все эти понятия проникли в сельскую среду извне, из «городской» жизни. Подтверждает общее правило и новообразование *каге'biuuta*, появившееся в «поственгерский» период функционирования говора, которое, однако, звучит также, как и большинство дериватов, образованных ранее под прямым воздействием венгерского языка, в котором латинский звук *s* звучит как *ш*.

-’о (-ко) (8)

С помощью этого суффикса образуются прежде всего местные наиболее популярные мужские имена, ср.: *Ваc’o* ‘Василий’, ср. *Васул’*; *Д’ур’o* ‘Юрий’, ср. *Д’ур’ий* (ср. венгер. *Gyuri*); *Йан’ко* ‘Иван’, ср. словац. *Ján* т.ж.; *Миш’o* ‘Михаил’, ср. *Мишко* (ср. венгер. *Misi, Miska*); *Пал’o* ‘Павел’ (ср. венгер. *Pál*); *Пет’o* ‘Петр’ (венгер. *Peti*); *Пим’o* ‘ Степа’, (венгер. *Pityu*); *Фер’ко* ‘Федя’ (ср. венгер. *Feri*). Следует отметить, что все эти мужские имена, за исключением *Пим’o* и *Фер’ко*, не несут ласкательной коннотации (последние являются производными от *Пишта* и *Фери* (*Фериш*), ср. венгер. *Pista* и *Feri*). Ср. также ласкательные наименования: *Д’ур’ко*, *Д’ур’ч’o* ← *Д’ур’o*; *Миш’ко* ← *Миш’o*; *Йан’ч’o* ← *Йан’ко*; *Пал’ко* ← *Пал’o*; *Пим’ко* ← *Пим’o*. В целом, как видим, приходится констатировать значительное венгерское влияние на формирование системы личных имен в говоре села Великие Лазы. В том случае, если с помощью этого суффикса образован дериват с общим названием, он несет ярко выраженную негативную оценочную коннотацию, ср.: *гул’o* ‘горлопан’ ← *гул’укати* ‘горланить’; *хан’ко* ‘ненадежный человек, который берется за все’ ← *хапати са* ‘хвататься’; *шал’ко* ‘дурачок’ ← *шаленй* ‘сумасшедший’; *шал’o* ‘дурачок’ ← *шаленй* ‘сумасшедший’.

Во всех случаях, за исключением местного прозвища с неясной этимологией *Бул’o*, ударение находится на суффиксе.

-ан (-чан) (5)

Существительные с суффиксом *-ан* называют лицо, характеризующееся отношением к местности (населенному пункту) или к коллективу, группировке, названной мотивирующим словом, ср.: *амері'ч'ан* ‘американец’ ← *Аме'рика* (чередование |ч—к|); *англі'ч'ан* ‘англичанин’ ← *Англійа* (усечение финали *й* мотивирующего); *варош':'ч'ан* ‘горожанин’ ← *'варош* ‘город’; *ди'нкув'ч'ані* ‘жители восточной части села’ ← *Ди'нкувц'і* ‘часть Великих Лаз, в прошлом отдельное село, ср. венгер. *Dengláz*’ (чередование |ч—ц|); *пронуй'ч'ан* ‘гость второго дня свадьбы (в доме невесты)’ ← *про'ноія* ‘второй день свадьбы’ (чередование гласных основы |у—о|).

Сюда же примыкают дериваты со значением незрелости, которые образуются от наименований лиц, ср.: *гет'фар'ч'ата* ‘юные жители соседнего села’ ← *Гет'фарок* ‘укр. *Підгорб*, ср. венгер. *Hegyfark*’ (чередование |р—р'| и усечение мотивирующей основы); *ди'нкувч'ата* ‘юные жители восточной части села’ ← *Ди'нкувц'і* ‘сегодня часть Великих Лаз’ (чередование |ч—ц|); *дов'жан'ч'ата* ‘юные жители соседнего села’ ← *Довгой Поле* (чередование |г—ж| и наращение суффикса асемантической прокладкой *-ан*’).

Несмотря на непродуктивный характер, особого внимания, на наш взгляд, заслуживает следующий суффикс

-ув (в безударной позиции -ов)

Изначально этот морф в местном говоре появился в составе производных заимствований из венгерского языка на месте долгих *ó* и *ú*, ср.: *би'рув* ‘сельский староста’, ср. венгер. *biró* т.ж.; *бімбов* ‘пустоголов’, ср. венгер. *bimbó* ‘бутон’; *бугов* ‘невежа; грубиян’, ср. венгер. диал. *búgó* т.ж.; *са'був* ‘портной’, ср. венгер. *szabó* т.ж.; *бунков* ‘молот’, ср. венгер. *bunkó* т.ж.; *ва'гув* ‘металлический стержень с раздвоенным концом для вытягивания гвоздей’, ср. венгер. *vágó* ‘резец’; *гиде'варув* ‘зубило’, ср. венгер. *hidegvágó* ‘буквально: холодное зубило’; *гор'дув* ‘бочка’, ср. венгер. *hordó* т.ж.; *ва'лув* ‘корыто’, ср. венгер. *vályú* т.ж.; *фа'м'ув* ‘молодец’, ср. венгер. *fattyú* ‘незаконнорожденный ребенок’; *фій'ов* ‘парень’, ср. венгер. *fiú* т.ж. На следующем этапе, как нам представляется, этот венгерский по

происхождению языковой элемент, выполняющий в венгерском языке функции, сходные с функциями суффикса в индоевропейских языках, начал использоваться при образовании новых слов, ср.: *ч'ак'лув* 'рычаг' ← *ч'акло'вати* 'затягивать веревку, цепь', ср. венгер. *csáklya* 'багор; гак; крюк'; *бурку'лув* 'молот для трамбовки' ← *бурколо'вати* 'мостить булыжником', ср. венгер. *burkoló* 'предназначенный для облицовки'; *га'мув* 'тормоз' ← *гамо'вати* 'тормозить'; *гурка'лув* 'устройство для изготовления колбас' ← *'гурка* 'колбаса', ср. венгер. *hurka* т.ж.; *паиш'кув* 'пастбище' ← *'пасті*.

В нашем материале всего два деривата со значением НЛ образованы с помощью этого суффикса, ср.: *вал'а'гув* 'бездельник' ← *вал'аго'вати* 'бездельничать' и *раб'рув* 'грабитель', ср. венгер. *rabló* т.ж. ← *рабро'вати* 'грабить'. Во втором случае, как видим, также не обошлось без «венгерского следа». С помощью этого суффикса образован также местный микротопоним *Кал'і'кув* ← *кал'і'кі*, называющий место, на котором после Первой мировой войны располагался в помещении водяной мельницы пансионат для изувеченных этой войной солдат-калек. Также нами фиксируются два прозвища, ср.: *'Винков* (носителя по имени *'Винцій*, ср. венгер. *Vince* 'Викентий', что, по-видимому, стало причиной появления прозвища) и с непонятной этимологией *Грімбов*. Оба прозвища с яркой негативной коннотацией, что позволяет предположить, что в языковом сознании носителей говора именно с ней сопряжен языковой элемент *-ов*, ср. также общеизвестные в говоре пейоративные НЛ *'бімбов* и *'бугов*.

Часть НЛ (всего 23 деривата) в местном говоре образована с помощью нерегулярных суффиксов, ср.: *-аль:* *во'кал* 'человек с большими (выпученными) глазами' ← *воко* 'глаз'; *мац'кал* 'русский' ← *Моск'ва*, (ср. вост.-словацк. *Moskal*; польск. *Moskal*; укр. *москаль*); ср. также непроизводное *гара'кал* 'дятел', 'надоедливый человек', ср. венгер. *harkály* 'дятел'; *-анк(а):* *'зойданка* 'слабый человек' ← *'зойдати са* 'качаться'; *-ант:* *цірку'сант* ← *ціркус*; *бузе'рант* 'гомосексуалист', ср. венгер. *buzi* т.ж.; *-б(а)* *дружба* 'представитель жениха, дружка'; *-ірь (-и'рь):* *бригад'іп* ← *бригада*; *кас'іп* ← *'каса*; *паст'ти'п* 'пастух' ← *'пасті*; ср. также непроизводные: *'лоди'п* 'лодырь'; *'говзіп* 'кат, мучитель', ср. венгер. диал. *hóühér* т.ж.; *тавал'іп* 'кавалер'; *-іп:* *оф'ціп*; *бар'біп* 'парикмахер';

-ор: *Пін'т'ор* (прозвище); **-іс:** *кертіс* 'садовник' ← *керт* 'сад; огород' (ср. венгер. *kertész* т.ж.); **-ім(а):** *бан'діта* ← *банда*; **-ок:** *вупер-док* 'выпердыш' ← *вуперд'імі*; *гир'ч'ок* 'задира' ← *гир'ч'кати са* 'задираться, ругаться'; (ср. также: *вуверток* 'вывороченное дерево' ← *вувертати са*; *гру'нок* 'холм', ср. *грун* 'вершина' в составе других русинских говоров); **-міль:** *уч'і'міл'* ← *учи'ті*; **-ун:** *босор'кун* 'колдун' ← *босорка*, *босор'кан'а* 'ведьма', ср. венгер. *boszorka* т.ж.; *Бур'кун* (прозвище) 'ворчун' ← *бурко'н'імі* 'ворчатъ'; **-ух:** *вал'ух* 'лежебока' ← *вал'ати са*; *л'ін'ух* 'лентяй' ← *л'іновати са*; *сп'л'ух* 'любитель поспать' ← *спати*, *сп'л'ач'ій*; ср. также *гем'бух* 'большой живот' ← *гембо*; **-чік:** *заго'товч'ік* 'заготовщик' ← *заготовл'ати*; ср. также *бир'і'зувч'ік* 'гриб' ← *березовій*; **-ш(а):** *мерша* 'мертвяк' ← *мерт'вій*; **θ(а)** (нулевой суффикс): *ж'анда* 'попрошайка', ср. *ж'андати* 'унизительно выпрашивать'; *би'танга* 'разбойник'; ср. *би'танговати* 'разбойничать'; один дериват образован сложносуффиксальным способом, ср.: *страхо'пуд* 'трус', ср. *страх* и *пуз'ати са* (*на'пуди'ті са*) 'пугаться (испугаться)'

Зачастую, как видим, НЛ с одним значением образуются с помощью двух, или даже трех различных суффиксов, ср.: *с'молавиц'/'с'молош/с'мелендак*; *буб'наш/буб'нар'*; *го'дованик/го'дованиць*; *гу'н'ош/гу'н'атош*; *ко'сар'/'ко'саиш*; *кор'ч'мар'/'кор'ч'марош*; *пати'кар'/'пати'карош*; *не'дуйдавиц'/'не'дуйдош*; *гур'л'ак'/'гурош*; *ко'пач'/'ко'паш*; *шал'о'шаль'ко*; *мир'ліц'/'мерша*; некоторые случаи такого дублирования обусловлены синонимичностью мотивирующих, ср.: *вошко'л'ар'/'шко'л'ар'*; *цундрош/цурош*; *си'кл'ош/си'кош*; *ф'лі'н'кош/фон'кош*; или же синонимичностью и мотивирующих, и словообразовательных формантов одновременно, ср.: *бран'кар'/'воро'тар'/'бранкош*; *філ'і'в'кач'/'фійов'кач'/'фійов'каш*.

Всего в говоре села Великие Лазы зафиксировано нами на сегодняшний день 199 дериватов со значением НЛ. В это подмножество входят лишь те производные наименования, которые мотивированы известными в настоящее время в местном говоре языковыми единицами. В это число мы не включаем, например, НЛ *'боднар'*, *ду'пін'д'арош*, *'рон'д'ош*, *са'пожнік*, в составе которых возможно вычленишь суффиксы лица, однако в говоре отсутствуют их мотивирующие, или НЛ типа *бу'йак*, *шті'лініц'*, значение лица у которых

возникло в результате обретения ими вторичного значения. Из всего числа производных НЛ, наличествующих в нашем материале, 58 дериватов ($\approx 29\%$) образованы с помощью суффикса *-ои* (*-аи*); 33 деривата ($\approx 17\%$) – с помощью суффикса *-арь*; 21 дериват – с помощью *-ак*; 20 дериватов – с помощью *-нік* (оба последних составляют $\approx 10\%$ от общего количества анализируемых образований). Меньше десяти процентов от общего количества НЛ образовано с помощью суффиксов *-ач* (12 дериватов); *-іць* (9); *-ішта* (8); *-’о* (*-ко*) (8); *-ан* (5). Вполне вероятно, что в собранном нами материале отсутствуют некоторые наименования, известные носителям говора, но в целом, на наш взгляд, весьма последовательно и корректно представлена общая статистическая картина данного фрагмента словообразования исследуемого говора. Если судить по данному языковому фрагменту, словообразование в говоре села Великие Лазы не отличается в целом от закономерностей и особенностей словообразования в других славянских языках и их диалектах. Большая часть словообразовательных суффиксов, с помощью которых образованы дериваты-НЛ в говоре села Великие Лазы, хорошо известна и в других славянских языках. К сожалению, нам неизвестно (по причине отсутствия таковых полных статистических сведений), сколько дериватов со значением лица и с помощью каких словообразовательных средств, в парадигме каких мотивирующих реализуются в том или ином славянском языке, тем более в составе отдельных их диалектов. Отметим лишь, что уже сегодня вполне возможно статистическое описание словообразования большинства современных славянских языков. Возвращаясь к собранному нами материалу и его первичной обработке, отметим, что даже его поверхностный анализ, на наш взгляд, позволяет в определенной степени определить тот «диапазон специфических особенностей», который присущ исследуемому нами говору на фоне остальных славянских языков и их диалектов. Это прежде всего непропорционально высокая по сравнению с соседними словацкими и украинскими говорами, тем более литературными языками, регулярность использования при образовании НЛ венгерского по происхождению суффикса *-ои* (*-аи*) в местном говоре ($\approx 29\%$ дериватов от общего количества). Также отметим наличие другого венгерского по происхождению суффикса

-ув (-ов), который и вовсе, насколько нам известно, не представлен в соседних славянских диалектах, «венгерский» характер суффикса -ист. Следует, на наш взгляд, отметить также и высокую по сравнению с другими восточнославянскими языками и их диалектами регулярность второго по численности в собранном материале суффикса НЛ -арь, с помощью которого в местном говоре образовано $\approx 17\%$ исследуемых единиц от общего количества дериватов с общим значением наименования лица, а также суффикса -ак ($\approx 10\%$).

Литература

- Бережанин 1827 – И. Бережанин. Въ обще о различіи Славянских нарѣчій, собственно же мало й карпато или Угрорусских. Письмо-статья Ивана Бережанина къ Орлаю. *Матеріалы по исторіи возрожденія Карпатской Руси. I. Сношенія Карпатской Руси съ Россіей въ первой половинѣ XIX-аго вѣка. Собралъ И.С. Свѣнцицкій*, 46–56.
- Вендина 1987 – Т.И. Вендина. К вопросу о функциональном исследовании славянского словообразования. В: Г.П. Нешименко (ред.). *Сопоставительное изучение словообразования славянских языков*. Москва: Наука, 128–134.
- Ганудель 1981, 1989, 2001 – З. Ганудель. *Лінгвістичний атлас українських говорів Східної Словаччини. Частина I–III*. Пряшів: Vydavateľstvo EXCO.
- Дзендзелівський 1958, 1960, 1993 – Й.О. Дзендзелівський. *Лінгвістичний атлас українських народних говорів Закарпатської області УРСР (Лексика). Частина I–III*. Ужгород: Ужгородський державний університет.
- Закревська 1976 – Я.В. Закревська. *Нариси з діалектного словотвору в ареальному аспекті*. Київ: Наукова думка.
- Капраль 2002 – М. Капраль. Венгерский суффикс -as (-ás) в карпаторусинских текстах. *Studia Slavica Hungaricae*, 47/1–2, 73–85.
- Капраль 2016 – М. Капраль. Словотворення у русинських діалектах: демінутативи и аугментативи у бесіді обывателюв ужанського села Великі Лазы. *Acta Universitatis Prešovensis. Slavistický zborník 2*. Prešov: Vydavateľ'stvo Prešovskej univerzity, 26–39.
- Капраль 2017 – М. Капраль. *Русинський орфографічний словарь (з граматичными таблицами)*. Budapest: Русинський Научный Інститут имени Антонія Годинки при Вседержавному Русинському Самосправованю.

- Керча 2007 – И. Керча. *Словник русинсько-руський. У двох томах, верх 58000 слов.* Ужгород: ПоліПрінт.
- Лопатин 1987 – В.В. Лопатин. Основные единицы сопоставительного описания словообразовательных систем славянских языков. В: Г.П. Нещименко (ред.). *Сопоставительное изучение словообразования славянских языков.* Москва: Наука, 46–53.
- Мамрак 1979 – А.В. Мамрак. *Закономерности суффиксального образования имен деятеля современного русского языка (в сопоставлении с украинским языком).* Автореферат дис. канд. филол. наук. Киев.
- Моисеев 1968 – А.И. Моисеев. *Наименования лиц по профессии в современном русском языке (структурно семантическая характеристика).* Автореферат дис. докт. филол. наук. Ленинград.
- Николаев – Толстая 2001 – С.Л. Николаев, М.Н. Толстая. *Словарь карпато-украинского торуньского говора с грамматическим очерком и образцами текстов.* Москва: Институт славяноведения РАН.
- Нимчук 1962 – В.В. Нимчук. *Словообразование именных частей речи в закарпатских верхнеприборжавских говорах.* Автореферат дис. канд. филол. наук. Киев.
- Панькевич 1938 – І. Панькевич. *Українські говори Підкарпатської Русі і сумежних областей. Частина I. Звучня і морфологія.* Praha: Nákladem Sboru pro výzkum Slovenska a Podkarpatské Rusi V komisi nakladatelství «Orbis».
- Панько 1997 – С.С. Панько. «Грамматика бачваньско-рускей бешеди» про складові частини теорії словотвору. *Studia Ukrainica et Rusinica Nyíregyháziensia* 5, 86–91.
- Рамач 2002 – Ю. Рамач. *Грамматика русского языка за I, II, III и IV класу гимназії.* Београд: Завод за уџбенике и наставна средства.
- РГ 1980 – *Русская грамматика Т. I.* Москва: Академия наук СССР.
- Сабадош 2008 – І.В. Сабадош. *Словник закарпатської говірки села Сокирниця Хустського району.* Ужгород: Ліра.
- Тихонов 1985 – А.Н. Тихонов. *Словообразовательный словарь русского языка.* Москва: Русский язык.
- Харківська 2015 – О.В. Харківська. *Суфіксальний словотвір апелятивних іменників в українських говорах Закарпаття.* Дисертація на здобуття наукового ступеня кандидата філологічних наук. Ужгород; см. также: http://www.lnu.edu.ua/wp-content/uploads/2015/12/dis_harkivska.pdf
- Ябур – Плішкова – Копорова 2007 – В. Ябур, А. Плішкова, К. Копорова. *Русинська лексика. Правописний і граматичний словник.* Пряшів: Vydavateľstvo prešovskej univerzity.

- Ябур – Плішкова – Копорова 2015 – В. Ябур, А. Плішкова, К. Копорова. *Граматика русиньского языка*. Пряшів: Vydavateľstvo prešvskej univerzity.
- Boudovskaja 2010 – E. Boudovskaja. Carpathian Dialects of Brid and Novoselytsia: Brief Descriptions. В: П. Гриценко, Н. Хобзей (ред.). *Діалектологічні студії. 9: Запозичення та інтерференція*. Львів: Інститут українознавства ім. І. Крип'якевича НАНУ, 536–543.
- Gerovskij 1934 – G. Gerovskij. Jazyk Podkarpatské Rusi I., Lidová řeč Podkarpatské Rusi (s mapou nářečí Podkarpatské Rusi). V: O. Hujer (red.). *Československá vlastivěda, díl III. Jazyk*. Praha: «Sfinx» Bohumil Janda, 480–517.
- Halaga 2002 – O. R. Halaga. *Východoslovenský slovník. Historicky dokumentovaný (1921–1918); paralely české, slovenské ekvivalenty*. Košice: Universum.

Список сокращений

- венгер. – венгерский язык
- венг. диал. – венгерский диалект
- восточн.–словац. – восточно-словацкие диалекты
- др.–рус. – древнерусский язык
- жен. – наименование женщины
- карт. – термин карточной игры
- НЛ – наименования лица
- польск.– польский язык
- рус. – русский язык
- русин. – русинский язык
- словац. – словацкий язык
- ср. – сравни
- т.д. – так далее
- т.е. – то есть
- т.ж. – то же (значение)
- т.п. – тому подобное
- укр. – украинский язык
- устар. – устаревшее